

четвертый Рим как системный антикапитализм» [5]. Советский Союз нарушил правила игры мирового капитализма и соскочил с определенной для него мировым капитализмом периферийной орбиты. Поэтому мировая капиталистическая система пошла на развязывание новой Второй мировой войны. Несмотря ни на что, на первых порах практически в одиночку Советский Союз сломил военную машину гитлеровской Германии и всех ее союзников, возвращенную мировым капиталом. Это была самая честная и бескомпромиссная проверка мощи советской системы. После войны СССР на равных теперь уже с новым лидером капиталистической системы – США в условиях американского цикла капиталистического накопления создал биполярную Ялтинско-Потсдамскую систему международных отношений.

1. Арриги, Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги. Пер. с англ. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – 472 с.
2. Глазьев, С. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? («Коллекция Изборского клуба» / С. Глазьев. – М.: Книжный мир, 2016. – 640 с.
3. Катасонов, В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / В.Ю. Катасонов. Изд. 4-е доп. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 1120 с.
4. Фурсов, А.И. Русская власть, Россия и Евразия / А.И. Фурсов // Русский интерес.– М.: Тов-во научных изд. КМК, 2015. – С. 98–181.
5. Фурсов, А. Большая война XX века / А. Фурсов [Электронный ресурс] // Андрей Фурсов: видео, пресса, работы, форум, поиск. – Режим доступа: http://andreyfursov.ru/news/bolshaja_vojna_khkh_veka/.– Дата доступа: 30.05.2016.
6. Фурсов, А. «По-над пропастью, по самому краю». Февральский переворот в русской и мировой истории / А. Фурсов // Наш современник. – 2017. – № 2. – С. 160–182.
7. Фурсов, А.И. Великая война: тайна рождения XX века / А.И. Фурсов // DeAenigmate. О тайне. Сборник научных трудов. 2-е изд. – М.: Тов-во научных изд. КМК, 2017. – С. 245–296.

ВЛИЯНИЕ «ЛИЧНОСТНОГО ФАКТОРА» НА ПРИНЯТИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (на примере Австро-Венгрии и Германии)

С.М. Пик

“Личностный фактор”, с точки зрения философии, – это совокупность духовных, этических, моральных качеств, идейных, политических, социальных и др. взглядов, которые формируют жизненную позицию личности, ее отношение к действительности, влияют на выбор целей, путей и способов их реализации в процессе развития и совершенствования. Во взаимодействии политических лидеров, представляющих свои государства на международной арене, “личностный фактор” присутствует постоянно. Исследование влияния этого фактора на принятие внешнеполитических решений в том или ином государстве, а также на развитие международных отношений в целом, несомненно имеет научный интерес.

Летом 1914 г. правящие круги Австро-Венгрии и Германии решимость начать военные действия, уверенные в готовности своих стран к войне и надеясь, что их решимость станет сдерживающим фактором для Российской империи [10, с. 214; 5, с. 20–21]. На самом деле, и Вена, и Берлин были достаточно хорошо информированы о том, как российское руководство относится к конфликту Австро-Венгрии с Сербией, но не уделяли этому должного внимания, поскольку полномасштабное участие России в войне подрывало “победоносные” планы Австро-Венгрии и Германии. Например, начальник австрийского генштаба генерал Ф. Конрад фон Гетцендорф, в принципе, предусматривал возможную угрозу со стороны России и планировал противостоять ей с помощью оборонительной тактики и германской поддержки, а германский генералитет еще в январе 1913 г. отложил разработку альтернативных

мобилизационных планов на случай войны с Россией и занимался суто усовершенствованием “Плана Шлиффена” [3, с. 29]. Когда 1 августа 1914 г. кайзер Вильгельм II решил сконцентрировать свои войска на границе с Россией, учитывая возможный нейтралитет Англии в войне (о чем телеграфировал посол из Лондона), это оказалось невозможным [5, с. 22], а когда начальнику германского генштаба генералу Г. фон Мольтке-мл. все же пришлось перебрасывать войска в Восточную Пруссию (конец августа 1914 г.), “План Шлиффена” во Франции не сработал [1, с. 52]. То есть, Россия была серьезной помехой в реализации австро-венгерских военных планов на Балканах и германского военного плана против Франции, поэтому ее нейтралитет или пассивность для руководителей Австро-Венгрии и Германии воспринимались более желательно, чем было на самом деле.

Поведение политического и военного руководства Австро-Венгрии и Германии в период после убийства эрцгерцога Франца Фердинанда и до начала войны тоже о многом говорит. Основное отличие – в мотивации. Правящие круги в Вене решились на войну, потому что не хотели потерять статус великой державы в случае более-менее спокойной реакции в ответ на такой наглый вызов со стороны сербских националистов [10, с. 213; 3, с. 14]. В Берлине же понимали, что необходимо использовать удобный момент для реализации посредством войны амбициозных планов по перераспределению в свою пользу баланса сил и влияния на международной арене [2, с. 739, 741]. Другими словами, германское руководство, поддерживая Австро-Венгрию против Сербии, не столько помогало своему союзнику урегулировать проблемы на Балканах, сколько использовало для собственных целей: общими военными усилиями добиться ослабления России и Франции (и косвенно Англии), так как этого не удалось достичь дипломатическим путем [4, с. 79; 8, с. 17–18]. Очевидно, что Австро-Венгрия без Германии, а также Германия без Австро-Венгрии не могли рассчитывать на успех в реализации своих внешнеполитических планов.

Парадокс, но мировая война стала обратным результатом системы альянсов, созданной Тройственным союзом и Антантой с целью обеспечения безопасности в Европе. Если рассматривать конфликт между Австро-Венгрией и Сербией как повод к войне мирового масштаба, то необходимо подчеркнуть, что только его “движущей силы” было мало, чтобы задействовать механизм системы альянсов. Итак, Германия объявила войну России из-за общей мобилизации последней, несмотря на личные заверения царя Николая II об отсутствии агрессивных намерений в отношении Германии. Воспринимая русскую мобилизацию как угрозу на восточной границе, в Берлине в ответ начали свою мобилизацию, а на языке германского генералитета это означало войну. В то же время, следуя “Плану Шлиффена”, Германии пришлось искать повод для войны с Францией. В результате, она начала войну с Россией из-за ее мобилизации, а с Францией – из-за своего “Плана Шлиффена”, и отнюдь не из-за обязательств перед Австро-Венгрией за договором о Тройственном союзе 1882 г. В свою очередь, Россия, Франция и Англия оказались в войне, скорее защищаясь от германской агрессии, нежели выполняя союзные обязательства по Антанте. То есть, конфликт между Австро-Венгрией и Сербией остался как бы в тени Германии и инициированной ею же войны.

Отсюда вывод: мировая война возникла не из-за системы альянсов, локальный дисбаланс которой привел к ее разрушению, а вследствие того, что Австро-Венгрия, Германия, Россия, Франция и Англия *стремились* отстаивать свои интересы силой оружия [4, с. 79; 9, с. 7–8]. На их стремление (открытое или тайное) влияли обстоятельства, которые руководство практически каждой из этих стран считало благоприятными для себя и хотело вовремя использовать. К примеру, для Австро-Венгрии решающей была поддержка Германии, а также относительная незаинтересованность Франции и Англии в ее “балканских делах”. А Германия спешила реализовать свое функциональное военное преимущество, пока Франция и Россия не закончили программ перевооружения,

надеялась на помощь Австро-Венгрии в сдерживании русских войск на восточном фронте и рассчитывала на возможный (скорее желательный) нейтралитет Англии [2, с. 741–742].

Кроме обстоятельств, на принятии решения о начале военных действий отразился “личностный фактор”, то есть политическая воля правящих кругов, уполномоченных принимать такие решения. Так, император Франц Иосиф после Сараевского убийства воздерживался от громких заявлений по поводу адекватной реакции на действия сербских националистов, хотя в личном письме кайзеру Вильгельму II от 4 июля 1914 г., избегая слова “война”, подчеркивал, что такое преступление не может остаться безнаказанным [10, с. 194]. В разговоре с начальником генштаба Конрадом фон Гетцендорфом 5 июля император допускал возможность войны против Сербии при условии, что Германия поддержит Австро-Венгрию [6, с. 135]. Такая позиция Франца Иосифа диссонировала с настойчивыми предложениями Конрада немедленно атаковать Сербию, которые поддержал военный министр генерал А. фон Кробатин. Точку зрения военных разделяли также имперский министр финансов Л. фон Билински и премьер-министр Австрии К. фон Штюрк. В свою очередь премьер-министр Венгрии граф И. Тиса предлагал добиться дипломатической изоляции Сербии, не исключая войну против нее в целом, но его переубедил имперский министр иностранных дел Л. фон Берхтольд с помощью графа Буриана – дипломатического представителя Тисы в Вене и советника по внешнеполитическим вопросам [10, с. 200]. После этого, 19 июля были окончательно согласованы условия ультиматума Сербии, утвержденного императором. А после ультиматума, по сути неприемлемого для суверенного государства, следовал разрыв дипломатических отношений и объявление войны.

Германское руководство по-своему воспринимало перспективу войны. Кайзер Вильгельм II и канцлер Т. фон Бетман-Гольвег 5–6 июля заявили о полной поддержке агрессивных намерений Австро-Венгрии в отношении Сербии, невзирая на риск вмешательства России в конфликт на Балканах. В Берлине рассчитывали на то, что царь Николай II, осуждая убийство эрцгерцога, из чувства монаршей солидарности не станет помогать Сербии [3, с. 17; 8, с. 17], и поэтому советовали Вене действовать безотлагательно. В разговоре с австрийским послом графом Л. Шегени-Марич 5 июля кайзер высказался по поводу важности не упустить “момент, такой благоприятный для нас” [10, с. 195]. Ситуация действительно казалась благоприятной для Германии: войну инициировала Австро-Венгрия, которая должна была победить Сербию, продемонстрировать мощь своей империи и способность контролировать Балканы. Если на стороне Сербии выступит Россия, Германия готова принять вызов: ее генералитет не сомневался, что вместе с австро-венгерскими войсками германские армии смогут победить не только Россию, но и Францию. И достичь этого в 1914 г. было объективно легче, чем позже [8, с. 18]. Но такие прогнозы оказались чересчур оптимистичными.

Логично возникает вопрос, насколько рациональной была политическая воля руководства Австро-Венгрии и Германии развязывать войну. В Вене и Берлине видели себя не иначе, как победителями, и не особо задумывались о цене победы. Войну как способ достижения национальных интересов рассматривали с точки зрения обязательной эффективности и возможность поражения, по сути, исключали. Иначе не было смысла воевать, а примириться с ослаблением своего международного престижа Австро-Венгрия и Германия могли и без миллионов жертв. Так как именно война оказалась для правящих кругов обеих держав лучшей альтернативой, чем продолжение дипломатической борьбы [9, с. 3, 7], можно говорить об осознанном риске и недооценке ими своих противников. Если в Вене германскую военную поддержку считали гарантией успешной войны против Сербии и России, то в Берлине еще до разгрома русских армий планировали успеть разбить французов и захватить Париж. Риск войны на два фронта Германия нивелировала с помощью скорости, мобильности и подавляющей мощи германских войск. Но такой прямолинейный сценарий в интересах Берлина был скорее

желательным, чем соответствовал действительности, что и доказал начальный период войны. Отсюда вывод: рациональность, на основе которой в Вене и Берлине принимали решение о войне, в сознании политических и военных лидеров была подменена прямолинейной логикой и упрощенной оценкой параметров политического пространства с пренебрежением нежелательных его изменений, вполне возможных в перспективе. На рациональность политических лидеров существенно влиял психологический фактор (великодержавные амбиции), а также давление со стороны военных кругов (начальников генштабов и военных министров). Если бы в Вене и Берлине не воспринимали мобилизацию в России как *casus foederis*, возможно, что предложения английской дипломатии по урегулированию австро-сербского конфликта нашли бы благодатную почву и войну на Балканах удалось бы локализовать [7, с. 31].

В итоге следует отметить, что политические лидеры в процессе принятия внешнеполитических решений руководствуются своей рациональностью, на которую непосредственно воздействуют их окружение (субъективное влияние) и политическое пространство (объективное влияние). Реакция политического лидера на влияние окружения и на возможности и ограничения пространства аккумулируется в решении. А характер реакции дает ответ на вопрос о сути “личностного фактора”.

1. Яковлев Н. Н. 1 августа 1914 / Н. Н. Яковлев. – М.: Молодая гвардия, 1974. – 240 с.
2. Anievas A. 1914 in world historical perspective: The ‘uneven’ and ‘combined’ origins of World War I // European Journal of International Relations. – 2011. – N 19(4). – P. 721–746.
3. Bridge F. R. 1914: The Coming of the First World War / F. R. Bridge. – The Historical Association General Series 10; 2ed. – London: The Chameleon Press, Ltd., 1988. – 36 p.
4. Gray C. S. War, Peace and International Relations: An Introduction to Strategic History / C. S. Gray. – London; N. Y.: Routledge, 2007. – 306 p.
5. Joll J. The Origins of the First World War / J. Joll. – London: Longman Inc., 1984. – 288 p.
6. Luigi A. The Origins of the War of 1914 / A. Luigi, ed. by I. M. Massey: 3 vols. – Vol. 2. – London: Oxford University Press, 1953. – 727 p.
7. Luigi A. The Origins of the War of 1914 / A. Luigi, ed. by I. M. Massey: 3 vols. – Vol. 3. – London: Oxford University Press, 1957. – 772 p.
8. Schmitt B. E. The Origins of the First World War / B. E. Schmitt. – The Historical Association General Series 39. – London: Routledge and Kegan Paul, 1958. – 26 p.
9. The Coming of the First World War / Ed by R. J. W. Evans, H. P. Strandmann, von. – Oxford: Clarendon Press, 1991. – 189 p.
10. Williamson S. R., jr. Austria-Hungary and the Origins of the First World War / S. R. Williamson, jr. – London: Macmillan Education Ltd., 1991. – 272 p.

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА (1914–1918 гг.): ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ, КОАЛИЦИИ И ИНСТИТУТЫ РОССИЙСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ 1916 ГОДА

В.Г. Циватый

Первая мировая война (1914–1918 гг.) – впоследствии получившая на Западе название «Великой войны» – по своим непосредственным и отложенным результатам, по глубине воздействия на политико-институциональное развитие современного общества едва ли уступает (если не превосходит) любому иному эпохальному событию в XX веке. Особенно это актуально в контексте исследования международной внешнеполитической проблематики и исследования политико-дипломатических систем и институций, накануне и в годы Великой войны (1914–1918). Отчасти это обстоятельство объясняется открытием новых пластов архивных материалов и вовлечением новых источников (частные коллекции, фонды спецслужб и т.д.), а отчасти также жизненной потребностью переосмысления опыта прошлого в свете нерешённых институциональных задач настоящего [1; 2].